

Великопостный образ жизни, быт

Мы посещаем церковные службы, постимся и молимся в определенное время, но всем этим мы еще не исчерпываем постный подвиг. Для того, чтобы все это было действенным и плодотворным, требуется еще поддержка всей нашей жизни. Другими словами, требуется известный «образ жизни», который не был бы противоположностью посту, не раздваивал бы наше существование. В прежние времена в православных странах само общество создавало великопостную атмосферу жизни совокупностью обычаев и навыков, как личных, так и коллективных, создававшей то, что так хорошо выражается русским словом «быт». В течение Великого Поста все общество подчинялось известному ритму жизни, правилам, которые

постоянно напоминали отдельным членам этого общества о Великом Посто.

В России, например, постоянно напоминал об этом особый великопостный звон церковных колоколов; театры были закрыты, прекращались великосветские приемы. Сами по себе эти внешние правила, конечно, не могли возбудить в человеке покаяния и направить его на более активную религиозную жизнь. Но создавалась известная великопостная атмосфера, которая облегчала личное, индивидуальное усилие.

Мы слабы, нам необходимы внешние напоминания, символы, знаки. Конечно, всегда есть опасность, что внешние символы сами по себе будут сочтены совершенным и достаточным соблюдением поста и, вместо того, чтобы напоминать о Великом Посто, заслонят его истинный смысл и значение. Мы уже упоминали об этой опасности, говоря, что внешние обычаи и правила могут подменить настоящий личный подвиг. Однако, при правильном подходе, видишь, что эти обычаи являются как бы передаточным ремнем, соединяющим духовный подвиг со всей совокупностью жизни.

Мы не живем в православном обществе, и поэтому общественная жизнь в наши дни не может создать великопостной атмосферы. Мир, окружающий нас, мир, к которому мы принадлежим, не меняется Великим Постом. Поэтому от нас требуется новое усилие, необходимо еще раз обдумать религиозную связь между внешней и внут-

ренной жизнью. Духовная трагедия секуляризма, нашей цивилизации в том, что они вталкивают нас в подлинную религиозную шизофрению: деление жизни на две части — религиозную и светскую, без какой-либо связи между ними. Поэтому для замены внешних символов и напоминаний в наши дни требуется особенное духовное усилие. Схематически это усилие можно рассматривать, во-первых, по отношению к нашей домашней жизни и, во-вторых, по отношению к жизни нашей вне дома.

В православном мировоззрении **домашняя жизнь, семья составляют основу христианской жизни,** применение христианских принципов в ежедневной жизни. Основы христианского мировоззрения закладываются в нас именно дома, в быте и духе семейной жизни. Не в школе, даже не в церкви, а в семье образуется то мировоззрение, которое вначале может быть даже бессознательным, но в конце концов становится решающим фактором всей нашей жизни.

Старец Зосима в Братьях Карамазовых Достоевского говорит: «... ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства». Этими воспоминаниями спасен человек на всю жизнь. Очень важно, что говорит он это, вспоминая, как мать водила его к Литургии Преждеосвященных Даров, вспоминая красоту этой службы, неподражаемую красоту великопостного напева «Да исправится молитва моя яко кадило пред Тобою...» В наших церковных школах проводится теперь замечательная работа по

религиозному образованию детей; но она очень мало что может сделать без домашней, семейной основы этого образования. Что же должно и может быть сделано Великим Постом в домашней, семейной жизни? Так как невозможно сказать сразу обо всем, что случается в семье, я остановлюсь на одном пункте.

Без всякого сомнения, все согласятся с тем, что семейный образ жизни радикально изменился под влиянием радио и телевидения.

Наша жизнь **переполнена информацией о событиях в мире.** Не нужно никуда выходить или выезжать, чтобы знать, что делается на свете. Весь мир постоянно в пределах нашего достижения. И мало-помалу элементарный опыт внутренней жизни, красота этого мира, просто исчезает из современной культуры. А если не телевидение, то музыка: музыка перестала быть тем, что слушаешь; она превратилась в какой-то музыкальный фон разговоров, чтения, занятий и т. д. Эта постоянная необходимость в музыке изобличает неспособность современного человека наслаждаться тишиной, воспринимать ее не как что-то отрицательное, как отсутствие чего-то, но именно как условие для всякого настоящего присутствия.

Если **христиане прежних времен жили по большей части в мире тишины и молчания,** дававших им возможность полностью сосредоточиться на внутренней жизни, то современные христиане должны делать особые усилия, чтобы получить хотя бы существенно нужное молчание и

тишину, необходимые для соприкосновения с высшей реальностью.

Таким образом, **проблема радио и телевидения в течение Великого Поста** — это не побочный вопрос, а в некотором смысле **вопрос духовной жизни и смерти**. Надо понять, что невозможно делить нашу жизнь между великопостной светлой печалью и переживанием модного фильма или спектакля. Эти два переживания несовместимы, и одно из них окончательно уничтожает другое. Однако, очень вероятно, что последний модный фильм скорее одолевает светлую печаль; обратное может произойти только с приложением особых усилий. Поэтому **первый великопостный обычай, который можно предложить, это решительное прекращение слушанья радио и телевидения Великим Постом**.

В данном случае мы не смеем предложить совершенный пост, но хотя бы аскетический, который, как мы уже говорили, прежде всего означает перемену «диеты» и воздержание. Например, ничего нет дурного в том, чтобы продолжать следить за передачей информации, или серьезной программы, обогащающей нас духовно и интеллектуально. Но что **должно быть прекращено постом** — это прикованность к телевизору, **растительное существование человека, прикованного к экрану, пассивно поглощающего все, что ему показывают**. Когда я был ребенком (это было до появления телевидения), моя мать обычно запирала рояль на первой, четвертой и седьмой

неделе Великого Поста. Это сохранилось в моей памяти ярче, чем длинные великопостные богослужения, и даже ' теперь, если я слышу музыку, передающуюся по радио постом, это оскорбляет меня почти как кощунство. Это личное воспоминание служит только иллюстрацией того, какое впечатление производит в детской душе внешнее решение, сознательно принятое взрослыми. Речь здесь идет не просто об отдельном обычае или правиле, но о живом опыте, оберегающем время Великого Поста, о котором надо все время помнить, чтобы не потерять, не исказить, не нарушить его. Но здесь, так же, как и при употреблении постной пищи, **одно воздержание недостаточно: оно должно иметь свой положительный противовес.**

Тишина, созданная отсутствием светского шума, нарушаемая только допустимой передачей новостей, должна быть заполнена положительным содержанием. Душа наша питается молитвой, но **разум тоже нуждается в пище;** именно разум современного человека подвержен непрерывной долбежке телевизора, радио, газет, иллюстрированных журналов и тому подобное. **Мы предлагаем добавить умственное усилие к чисто духовному.** Мы пренебрегаем столькими шедеврами, столькими замечательными плодами человеческой мысли, воображения и творчества только потому, что гораздо легче и проще, вернувшись с работы домой, уставши физически и умственно, включить телевизор или погрузиться в совершенную пустоту иллюстрированного журнала.

Было бы хорошо заранее наметить для себя программу для Великого Поста. Составить заранее список **полезных книг, которые надо было бы прочитать**. Нет необходимости, чтобы все эти книги были религиозного содержания. Не все люди призваны быть богословами. Но в лучших произведениях литературы заложено столько богословских мыслей, а все, что обогащает наш разум, всякий плод настоящего творчества благословляется Церковью и, правильно воспринимаемое, приобретает духовную ценность.

В предыдущей главе я говорил о том, что **четвертое и пятое воскресенья поста посвящены памяти** двух великих учителей христианской духовной жизни: св. Иоанна Лествичника и препод. Марии Египетской. Надо понять, что в образе этих двух святых Церковь явно указывает нам, что постом она ждет от нас обогащения нашего духовного и умственного внутреннего мира. Чтение и духовное размышление могут помочь нам обрести этот внутренний мир и его радость. Современный секулярный мир не дает нам вкусить этой радости, настоящего призвания человека, проявляющегося во внутреннем, а не во внешнем мире; но без этой радости, без понимания Великого Поста как пути в глубину нашего человеческого существа, Великий Пост теряет свое значение.

Кроме того, какое значение мог бы иметь Великий Пост в течение долгих часов, проводимых вне дома, во время наших разъездов, когда мы сидим за своим столом на ра-

боте, занимаемся исполнением профессиональных обязанностей, встречаемся с коллегами или друзьями? Тут нельзя дать никакого определенного рецепта, но можно привести некоторые общие соображения и рассуждения.

Во-первых, Великий Пост — лучшее время, чтобы рассмотреть и взвесить невероятно поверхностный характер нашего отношения к людям, к вещам, к работе. «Относиться ко всему с улыбкой», «не принимать слишком близко к сердцу» — вот советы, ставшие на самом деле «заповедями», которым мы радостно подчиняемся, а означают они: не связывайте себя, не спрашивайте, не углубляйте своих отношений с людьми; соблюдайте правила игры, которые состоят в соединении дружественных отношений с людьми и полного к ним равнодушия; думайте обо всем с точки зрения материальной выгоды, прибыли, повышения; другими словами, будьте частью того мира, который постоянно употребляет великие слова «мир», «ответственность», «осторожность» и т. д., а на самом деле следует материалистическому принципу, по которому человек оценивается соответственно его зарплате.

Великий Пост — время искания смысла: смысла моей профессиональной жизни с точки зрения призвания; смысла моих отношений с другими людьми; смысла дружбы; смысла моей ответственности в жизни. Нет ни работы, ни призвания, которые хотя бы понемногу не могли быть преобразены, не с точки зрения большей

производительности или лучшей организации, но с точки зрения человеческой ценности. Необходимо стараться **углубить все наши человеческие отношения**, потому что мы — свободные люди, которые стали (часто сами того не сознавая) рабами систем, постепенно уничтожающих все человеческое в мире. И если наша вера имеет какое-либо значение, она должна быть соотнесена с жизнью во всех ее сложностях.

Множество людей думает, что необходимые перемены происходят в зависимости от революций, внешних перемен в условиях жизни. Но мы, христиане, должны доказать, что на самом деле все вытекает изнутри — от веры и жизни по вере. Церковь, когда она вошла в Греко-Римский мир, не призывала к революции, указывая на рабство. Но рабство стало невозможным под влиянием веры и новой оценки человека и всей жизни. Один святой — а здесь святой означает просто человека, относящегося серьезно к своей вере — больше может сделать, чтобы изменить мир к лучшему, чем тысяча напечатанных программ. Святой человек — единственный настоящий революционер в этом мире.

Прибавим еще одно последнее замечание: Великий Пост — это время, когда надо **особенно следить за всем тем, что мы говорим.** Мир наш неимоверно многоречив, мы постоянно утопаем в словах, которые утратили свое значение, а следовательно и свою силу. Христианство являет нам священное значение слова — этого воистину боже-

ственного дара. Наше слово обладает огромной силой, либо положительной, либо отрицательной.

Поэтому мы будем судимы и за наши слова: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Матф. 12:36 —37). Если мы обдумываем и взвешиваем наши слова, мы вновь осознаем их глубокий и священный смысл и понимаем, что иногда невинная шутка, необдуманно сказанная, может привести к самым бедственным результатам, может стать последней каплей, переполнившей чашу отчаяния человека и толкнувшей его на худшее.

Но слово может быть и свидетельством. Случайный разговор через стол со своим коллегой может иногда лучше передать ему верный взгляд на жизнь, на других людей, на работу, чем формальная проповедь. Слово может заронить в душу возможность другого подхода к жизни, желание познания. Мы действительно не представляем себе, как мы постоянно влияем друг на друга словами, все строим своей личности. И в конце концов **люди обращаются к Богу не потому, что кто-то смог дать им блестящие объяснения, но потому, что они увидели в Нем тот свет, ту радость и глубину, ту серьезность и любовь, которые одни обнаруживают присутствие и силу Божию в мире.**

Таким образом, Великий Пост, как мы говорили в самом начале, это время, когда человек как бы вновь приобре-

тает веру, но также и жизнь, в ее божественном значении, в ее священной глубине.

Воздерживаясь от пищи, мы вновь узнаем ее вкус и научаемся получать ее от Бога с радостью и благодарностью.

Сокращая развлечения, слушание музыки, ненужные разговоры и поверхностные рассуждения, мы вновь понимаем величайшую ценность отношений с человеком, с человеческой работой и с искусством.

И понимаем мы все это, потому что мы просто снова поняли Самого Бога, потому что мы вернулись к Нему и в Нем ко всему тому, что Он дал по Своей бесконечной любви и милосердию.

И вот почему в Пасхальную ночь мы поем:

*Ныне вся исполнишася света,
Небо же и земля и преисподняя;
Да празднует убо вся тварь восстание Христово,
В Нем же утверждается...
Не лиши нас этой надежды, Человеколюбче!*

Протопресвитер Александр Шмеман.